

Основные проблемы китайской революции*

БОЛЬШЕВИК

1928 № 8

Вряд ли сыщется в настоящее время другая страна в мире, в которой совмещены столь разнообразные и противоречивые черты, как в Китае. Отсюда большие трудности для объяснения и синтеза китайских событий. Мы считаем возможным дать следующую характеристику всего совершающегося в Китае процесса в его самых общих чертах.

Китай находится в периоде революционного переворота, а именно перехода от докапиталистического строя, покоящегося на простом воспроизводстве («азиатский способ производства» у Маркса) и содержащего много элементов феодализма, через этап неполного, полукOLONиального капитализма к рабоче-крестьянской диктатуре.

Своеобразие в данном случае заключается в том, что при особенной структуре китайской экономики переход к капитализму сопряжен не только с разрушением докапиталистических производственных отношений, но также с катастрофическим упадком самого производства, а следовательно, с чрезвычайным ухудшением положения всех трудящихся. Поэтому еще до полного преобразования в капиталистическое общество наступает крестьянская и рабочая революция, которая одновременно направляется как против старой феодально-докапиталистической эксплуатации, так и против новых способов эксплуатации (туземной и империалистической). Эта революция должна вступить в борьбу со всеми слоями господствующего класса: землевладельцами, милитаристами, китайской и иностранной буржуазией.

В нижеследующем мы делаем попытку исследовать некоторые главные моменты этой в высшей степени сложной китайской эволюции, чтобы получить возможность сделать выводы относительно главной проблемы: существует ли для китайской буржуазии возможность разрешения аграрной проблемы на буржуазных началах?

Мы считаем этот вопрос основным для дальнейшей судьбы китайской революции, считаем, что рассмотрение его должно быть положено в основу анализа проблем китайской революции. Если бы китайской буржуазии удалось разрешить аграрный вопрос на буржуазных началах, промышленный пролетариат Китая не в состоянии был бы привлечь на

* В порядке обсуждения.

свою сторону массу крестьянства. А без поддержки крестьянского класса, а тем более в борьбе с крестьянством, молодой и численно слабый промышленный пролетариат не в состоянии свергнуть господство буржуазии (китайской и чужеземной) и милитаристов. Поэтому аграрный вопрос является основной, центральной проблемой современного Китая.

Исследователь аграрного вопроса, как и всякого другого вопроса китайской общественной жизни, наталкивается на следующие трудности: на незнание языка, на отсутствие необходимых и сколько-нибудь точных статистических данных¹, на тот факт, что китайская культура проявляется в совсем иных формах, нежели европейская, и т. д. Поэтому все дальнейшие наши рассуждения необходимо понимать с самыми широкими оговорками.

Аграрный вопрос и своеобразие китайского феодализма

Мы считаем, что для понимания китайского аграрного вопроса применение термина «феодализм» к характеристике китайских условий принесло больше вреда, нежели пользы². Этот термин правильно характеризует некоторые факты китайской жизни, но применение его имеет тот недостаток, что многие просто принимают все элементы европейского феодализма за существующие также в Китае, что никак не соответствует действительности и известным образом запутало вопрос.

Мы можем называть социальную структуру Китая феодализмом только в том случае, если употреблять этот термин в смысле «докапиталистических» отношений. Мы пока абстрагируемся здесь от тех элементов перехода к капитализму, которые имелись и в Европе на известной стадии развития. Докапиталистические элементы имеются как в европейском феодализме, так и в общественной структуре Китая, но в рамках этой общности имеются весьма большие расхождения. Попытаемся наметить главнейшие из них.

Экономической основой европейского феодализма были сеньориальное поместье (*Grundherrschaft*) и крепостное право. Первое давалось королем как феодал и переходило по наследству из рода в род. Но высота дохода зависела не столько от размеров землевладения, сколько от числа крепостных. Решающее значение имело распоряжение рабочей силой, а не простое распоряжение землей. Регистрировалось не число гектаров, а число «душ»! Только переход к капитализму—в связи с силь-

¹ Вот некоторые примеры ненадежности китайской статистики. Цифра народонаселения Китая официально указывается в настоящее время (оценка почтового ведомства) в 436 миллионов. Американские и английские статистики утверждают, что она никоим образом не выше 300 миллионов. Урожай пшеницы в Китае указывается в издаваемом американским министерством торговли ежегоднике *China. A Commercial and Industrial Handbook* (стр. 69) между 200 и 600 млн бушелей. О китайском землевладении циркулируют самые различные ненадежные данные.

² Маркс и Энгельс, говоря об Азии, употребляют выражение «азиатский способ производства», а не термин «феодализм».

ным увеличением населения — дал перевес земле, как производственному фактору, над рабочей силой, как производственным фактором (снос крестьянских дворов в Англии, Пруссии и т. д.).

Совершенно другое мы видим в Китае. Главный экономический базис феодализма (поместное хозяйство, если оно вообще когда-либо существовало здесь) был разрушен уже прежними аграрными революциями³. Особой проблемой является — мы здесь не будем заниматься ею — вопрос: почему, несмотря на это разрушение экономической основы феодализма, поместного хозяйства, почему, несмотря на наличие техники, которая скорее была выше, а не ниже техники европейского периода мануфактуры, в Китае не развился свой, автохтонный капитализм, почему эволюция не пошла далее совместимой с феодализмом стадии торгового и ростовщического капитала? Итак, в собственно Китае издавна решающее значение имело не распоряжение землей. Мы подчеркиваем, что речь идет о Китае в собственном смысле слова, а не о все еще редко заселенных окраинных областях: Манчжурии, Монголии, Тибете. Пять шестых населения Китая издавна скучены на одной трети его территории. В этой главной части Китая уже давно (или, быть может, никогда) не существовало поместий и крепостничества в смысле европейского феодализма.

Во избежание недоразумений и превратного толкования подчеркиваем: в Китае, разумеется, имеется крупное землевладение, но нет поместного хозяйства. (Если крупные землевладельческие хозяйства обнимают не, как в Европе, десятки тысяч гектаров, а самое большее несколько сот гектаров, в большинстве же случаев лишь несколько десятков гектаров, то экономически это, тем не менее, — настоящее крупное землевладение: не следует забывать, что в Китае жатва снимается три-четыре раза в году.) Здесь тоже существует класс, живущий доходом с земельной ренты. Но хотя эта рента во многих случаях еще остается натуральной рентой, она все-таки не является в собственном смысле феодальной, сеньориальной рентой. Землевладение расщеплено, земля постоянно продается и покупается за деньги. Класс, получающий ренту, не является привилегированным сословием, как сеньориальное, поместное дворянство в европейском феодализме, а теснейшим образом переплетается с классом торговцев и ростовщиков. Прибыли торгового и ростовщического капитала, имущество, нагребленное на государственной службе, издавна помещаются в землевладении.

Крепостничество существует в Китае и по настоящее время. Но оно не носит чисто феодального характера. Его экономическая сущность заключается не в том, как в феодализме, что сеньор, обладающий большим количеством земли, но малым количеством рабочих сил,

³ Насколько нам известно, до сих пор нет мало-мальски годной истории Китая. Но судя по дошедшим смутным записям и описаниям, можно, по-видимому, считать несомненным, что в тысячелетней истории Китая имелось несколько аграрных революций. Вообще сомнительно, был ли когда-либо в Китае действительный феодализм. Поэтому не вполне правильно говорить также об «остатках феодализма»; быть может, правильнее было бы говорить об «элементах феодального характера».

прикрепляет последние к земле. Для этого в Китае с его громадным избытком населения нет надобности. Здесь, напротив, крепостничество возникает таким образом: бедный крестьянин-арендатор связан вследствие недостатка земли со своим землевладельцем, часто оказывается задолженным ему и вынужден предоставлять ему, помимо собственно земельной ренты, также значительную часть своей заработной платы, он фактически находится в полной власти землевладельца, закрепощен последним душой и телом. Но экономическая основа этого крепостничества иная, в некотором смысле даже противоположная тому, что имеет место при настоящем феодальном крепостничестве.

Эти на первый взгляд несущественные различия имеют кардинальное значение для дальнейшей судьбы китайской революции. В Китае невозможна аграрная революция, руководимая буржуазией, революция «третьего сословия», совместная революция буржуазии и крестьянства⁴ против феодальных землевладельцев (тип французской революции). Она невозможна потому, что здесь нет настоящего феодального землевладения, потому что все слои буржуазии здесь в то же время получают земельную ренту, следовательно, не могут делать революцию против самих себя. Буржуазия не может освободить крестьян от фактического крепостничества, поскольку последнее существует, не может потому, что именно она, именно торговый капитал в связи с земельной собственностью толкают крестьян в долговое рабство. Буржуазно-демократическая аграрная революция должна быть проведена в Китае в борьбе против буржуазии! Китайское крестьянство может сбросить с себя громадное бремя ростовщической ренты только в союзе с пролетариатом, следовательно, также не в рамках капиталистического строя.

К вопросу об экономической основе феодализма в Европе и Китае надо подойти еще с другой стороны. В Европе сельское хозяйство не построено на искусственном орошении, поэтому здесь возможно точное отграничение между двумя соседними поместьями (в настоящее время — также между каждым крестьянским хозяйством), они вполне самостоятельны. В Китае же сельское хозяйство испокон веку покоилось преимущественно на искусственном орошении, проводимом на весьма малых участках земли; это делает здесь жизненной необходимостью организацию водного хозяйства, а оно может быть осуществлено только

⁴ Некоторые товарищи считают ошибкой говорить о крестьянском классе как целом, так как внутри него противостоят друг другу крестьянская беднота, крестьяне-середняки и богатые крестьяне как отдельные классы. Мы думаем, что весь спор о том, представляет ли крестьянство один класс или только сборное имя для трех отдельных классов, поставлен недиалектически. В известных исторических ситуациях, например, в борьбе против феодального землевладения, все крестьянство выступает как единый класс. Вне этой борьбы крестьянство дифференцируется на три класса, причем в одних случаях богатые крестьяне и середняки выступают сообща, в других случаях середняки и крестьянская беднота образуют единое целое. В нашей связи можно с полным правом говорить о крестьянстве как едином целом.

сообща для больших или малых территорий. Отсюда традиционная связанность, часто с религиозной окраской. Мы ниже вернемся подробнее к вопросам водного хозяйства. Здесь имеются элементы феодализма, но тоже другого характера, нежели свойственные европейскому феодализму. Функции государства были тоже чрезвычайно различны в европейском феодализме, с одной стороны, и в Китае, с другой стороны. В Европе в период феодализма, в сущности, не существовало государственной организации. Земля делилась на отдельные сеньориальные владения, владельцы которых, феодалы, время от времени объединялись под главенством суверена для военных предприятий, причем каждый сеньор приводил свои войска, или же они вели войну между собой. Управление, суд и пр. были функциями сеньориального, поместного землевладения. В Китае, напротив, государству принадлежат важные функции, простирающиеся на всю область: организация распределения риса во всей области, организация в важных областях водного хозяйства и надзора за ним и т. д. Соответственно этому в Китае существовал особый слой государственных чиновников, которые должны были сдавать экзамены по строгому уставу и образовали ученую чиновничью аристократию феодального характера; напротив, европейские феодалы в общем были неграмотны и очень мало заботились о государственных делах вне границ их поместий.

Итак, общественная структура Китая, имевшая место до проникновения иностранного капитала и в значительной части существующая и теперь, носит докапиталистический характер, содержит многие элементы феодализма, но не является феодализмом в европейском смысле, так как в ней отсутствуют поместное хозяйство и феодальное крепостничество. С этой точки зрения эта структура является более передовой, чем феодализм. Но с другой стороны, в ней имеются традиционные социальные узы, отчасти сохранившиеся в наше время еще от периода, предшествовавшего феодализму: важное значение семьи в хозяйственной жизни⁵, все еще существующее в отдельных случаях рабство, культ предков, благодаря которому очень много земли устраняется от возделывания, и т. д. Из этой своеобразной структуры вытекает, что в Китае некоторые слои получают феодальный доход за счет крестьянства без какого-либо экономического базиса или классового основания (*Klassenrechtstitel*), чисто традиционным путем: обедневшие джентри, которые содержатся за счет деревни, потому что являются посредниками между ней и администрацией, и т. д. Итак, мы имеем здесь феодальные элементы специфически китайского образца.

Называть нынешнюю экономическую структуру Китая просто феодализмом не приходится также из соображений политической стратегии. Это может повести к оппортунистическим ошибкам: к предположению, что по аналогии с Европой за феодализмом должен последовать более

⁵ Для китайского фабриканта считается моральной обязанностью устраивать в своем предприятии свою близкую и далекую родню, даже если эти родичи не годятся для требуемой работы.

или менее продолжительный буржуазный режим. При этом упускают из виду два чрезвычайно важных момента:

а) Продолжающийся еще в настоящее время процесс перехода общественного строя Китая из докапиталистического в капиталистический не является автохтонной эволюцией, а произошел под воздействием империалистического капитализма: переход к капитализму в то же время означал подчинение Китая иностранному капиталу, превращение его в полуколониальную страну империалистических держав.

б) Переход происходит в настоящее время упадочного капитализма, когда капитализм уже свержен в значительной части земного шара, и между империалистическими государствами происходит свирепая борьба за мировые рынки сбыта, которая необходимо ведет к новой войне за новый передел мира.

Эти два момента—переход Китая к капитализму в период упадка мирового капитализма и в форме превращения Китая в полуколонию империалистических государств — не позволяют видеть в этом переходе просто аналогию с переходом европейских стран от феодализма к капитализму.

Процесс перехода к капитализму

В нашу задачу не входит рассматривать историческое развитие Китая. Подчеркнем лишь следующее: хотя в истории Китая имели место одна или несколько аграрных революций, и хотя китайская техника достигла ступени, аналогичной технике мануфактурного периода в Европе, здесь не произошло самостоятельного перехода к промышленному капитализму. До проникновения иностранного капитала экономика Китая в сильной степени отличалась чертами «азиатского способа производства», бесконечного повторения производственного процесса в том же масштабе, с той же техникой⁶.

«В Азии, где натуральная форма земельной ренты, являющаяся в то же время главным элементом государственных налогов, покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся в таком же неизменном виде, как естественные отношения...» (К. Маркс. «Капитал». Т. I. ГИЗ. 1928 г. С. 88).

В другом месте Маркс говорит об Индии:

«Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества

⁶ «Китайский земледелец работает способами и орудиями, которым 2000 лет», — читаем мы в справочнике американского министерства торговли о Китае, С. 222.

не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики» (там же, С. 271).

Существование «азиатского способа производства», экономического базиса, воспроизводимого в неизменном виде, нисколько не исключает образования известных видов капитала.

«Средние века завещали две различные формы капитала, которые достигают зрелости в совершенно различных общественно-экономических формациях и до наступления эры капиталистического способа производства считаются капиталом вообще: ростовщический капитал и купеческий капитал...».

«Превращению денежного капитала, создавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй в деревне, цеховой строй в городе» (там же, С. 602).

Действительно, уже сотни, даже тысячи лет назад в Китае существовал торговый капитал. Китайские торговцы заносили изделия китайских ремесленников и китайской домашней промышленности до самой Индии и Европы. Однако здесь вывозился за границу излишек над — правда, очень низким — собственным потреблением. Точно так же ростовщический капитал, как жестоко он ни эксплуатировал независимых производителей, очевидно, не затрагивал основы простого воспроизводства (воспроизводства в равномерном масштабе), и именно поэтому не привел к образованию собственного промышленного капитализма.

«Здесь достаточно простого указания на убудочные формы, при которых прибавочный труд уже не выжимается из производителя путем прямого принуждения и, с другой стороны, еще не выступило его формальное подчинение капиталу. Тут капитал еще не овладел непосредственно процессом труда. На ряду с самостоятельными производителями, занимающимися ремеслом или земледелием в традиционных, унаследованных от предков формах, выступает ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, паразитически эксплуатирующий их. Преобладание в обществе этой формы эксплуатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, именно она может составить переходную ступень к этому последнему, что было в конце средних веков» (Там же, С. 396).

Маркс несколько раз возвращается к этой аргументации. Так, например, в III томе:

«Однако развитие его [торгового капитала], взятое само по себе..., недостаточно, чтобы повести к переходу от одного способа производства к другому и объяснить этот переход» (С. 111—112 нем. изд.). Далее он говорит:

«Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отноше-

нии к общему экономическому развитию общества» (русск. изд. 1928 г. Т. III. Ч. 1. С. 252).

Положение изменилось, когда империалистические государства Европы насильственно основались на берегах Китая и капитал в его высшей стадии развития стал покорять себе эту страну. Важнейшими процессами в связи с этим нам представляются следующие:

а) Империалистический капитал подчиняет себе те виды капитала, которые возникли в докапиталистической стадии Китая: торговый капитал и ростовщический капитал. В классовом отношении это означает, что весь калейдоскоп живущих на нетрудовые доходы слоев китайского господствующего класса: государственные чиновники, джентри, торговцы, банкиры, ростовщики, прямо или косвенно, в большей или меньшей мере служат иностранному капиталу, весь господствующий класс принимает характер «компрадора».

В собственном смысле компрадором называется состоятельный китайский купец, служащий посредником между иностранным капиталом и китайскими торговцами: как покупателями заграничных товаров, так и поставщиками сырья. Компрадор служит посредником при продажах, гарантирует платежеспособность покупателя на случай его кредитования (в полной сумме или на 30—75 процентов), ищет покупателей для иностранных товаров и улаживает все деловые споры. При закупках он гарантирует кредиты местным собирателям сырья, устанавливает связь между иностранными торговыми фирмами в больших портах и китайскими провинциальными торговцами и т. д. Отчасти функции его аналогичны функциям английского брокера. Обычно он получает очень небольшую твердую оплату, главный же доход его составляют провизионные, установленные в известном процентуальном размере. Обыкновенно он имеет нескольких служащих, которых он оплачивает из своего дохода и которые ответственны лично перед ним; впрочем, они могут поступить к нему на службу только с разрешения иностранной фирмы и должны быть удалены по ее требованию. Благодаря провизионным, компрадор теснейшим образом заинтересован в успехе «его» иностранной фирмы (каждый компрадор обслуживает только одну фирму)⁷.

Величина страны, незнание языка, отсутствие личных связей в туземном торговом мире, чересполосица мер и люнет в различных провинциях, чуждые европейцу туземные торговые обычаи (все долги должны быть уплачены в день китайского нового года) — все это делает компрадора лицом, без которого не может обойтись иностранная фирма. Попытки иностранных фирм связываться с туземными торговцами непосредственно, без компрадора, а именно через собственные филиальные отделения в провинции, обыкновенно влекли большие потери. Только некоторые из самых крупных иностранных фирм работают без компрадоров.

С внедрением иностранного капитала китайский торговый капитал становится слугой его. Китайские торговцы собирают у крестьян для

⁷ Образец договора между компрадором и иностранной фирмой см. в американском справочнике по Китаю, стр. 388.

экспортных домов чай, табак, бобы, шелк и проч. Так как туземные торговцы гораздо беднее капиталом, чем иностранные фирмы и последние пользуются особыми привилегиями в качестве завоевателей, китайский торговый капитал попадает в растущую зависимость от иностранного капитала; равным образом китайский банковый и ростовщический капитал попадает в зависимость от иностранного, в первую очередь английского, банкового капитала.

Джентри и прежняя чиновничья аристократия тоже втягиваются в механизм, возникающий между иностранным капиталом и китайскими крестьянами (последние являются первыми поставщиками сырья и окончательными потребителями). Авторитет живущего в деревне чиновника из джентри оказывается полезным для бесперебойного хода сделок, этот чиновник получает за свою деятельность соответствующее вознаграждение. Таким образом, весь господствующий класс приобретает компрадорский характер.

б) Так как Китай был колонизирован не одним империалистическим государством, а несколькими (Англией, Японией, Францией, Америкой), причем между этими государствами происходит ожесточенное соперничество, противоречия интересов империалистических государств переносятся на связанную с каждым из этих государств часть компрадорской буржуазии. Империалистические противоречия продолжают действовать внутри китайской буржуазии, расщепляют ее и затрудняют консолидацию китайской буржуазии как единого и цельного класса⁸.

⁸ О том, с какой силой ведется борьба империалистических держав за китайский рынок, свидетельствуют нижеследующие таблицы.

Ввоз текстильных товаров распределялся между ними (в процентах стоимости) следующим образом (Справочник по Китаю, стр. 79, изд. амер. мин. торг.):

	1902 г.	1913 г.	1923 г.
Англия	55,3	53,3	35,2
Япония	2,7	20,2	51,0
США	26,8	8,0	0,2
Другие государства	15,2	18,2	13,8

Япония еще до антиимпериалистической революции полностью вытеснила из китайского текстильного рынка Соединенные Штаты, Англию — на 40 процентов.

С другой стороны, участие Америки во всей внешней торговле Китая составляло в процентах (там же. С. 42):

1904 г.	1913 г.	1923 г.
9	7	17

Понятно, столь значительные сдвиги, непосредственно затрагивающие интересы отдельных частей компрадорской буржуазии, связанной с иностранным капиталом, должны действовать на эту буржуазию расщепляющим образом.

О современном положении борьбы за китайский рынок имеется несметное число сообщений. Мы не будем останавливаться на них здесь подробнее.

в) Под влиянием иностранного капитала и в связи с ним происходит переход от торгового и ростовщического капитала к промышленному капиталу; китайский капитал не был в состоянии осуществить этот переход собственными силами. Этот процесс начался гораздо позднее, чем само проникновение иностранного капитала. Первые новейшие фабрики возникли в портовых городах, их построил иностранный капитал. Во время войны и непосредственно после нее процесс индустриализации пошел более быстрым темпом, затем замедлился, а в последнем году регрессировал вследствие гражданской войны⁹.

Развитие капиталистической промышленности наталкивается в Китае на большие препятствия. Изобилие чрезвычайно дешевой рабочей силы, возможность безмерной эксплуатации ее делают излишним технические усовершенствования, сохраняют в высшей степени примитивные виды труда, например, транспорт массовых товаров на плечах носильщиков и т. д. Поэтому китайская промышленность являет нам пеструю картину всевозможных форм производства: рядом с совершенно новейшими фабриками, оборудованными машинами по последнему слову техники, мы находим здесь старые виды мануфактуры, домашней промышленности с раздатчиками и т. д.

Другим препятствием является преобладающее положение империалистических государств. Хотя иностранный капитал основал промышленные предприятия и в самом Китае, до сих пор на первом плане стоят

⁹ Приводим цифры ввоза машин в Китай:

Годы	В млн гонконгских таэлей	Курс в ам. центах	В млн долларов
1913–1916	7,25	70	5,5
1917	6,5	103	6,7
1918	8,3	126	10,2
1919	15,5	139	21,5
1920	24,6	76	18,5
1921	58,8	76	44,7
1922	51,5	83	42,8
1923	28,6	80	18,9

Если принять во внимание изменение американского уровня цен, то самый большой реальный ввоз машин приходится на 1922 г. С тех пор он постоянно падал. К сожалению, у нас нет продолжения этой статистики. Но тенденция вполне выясняется из следующих данных:

По сводке в «Far Eastern Review» от 27/IX 1927 г., цит. в «Bulletin Quotidien», от 4/1 1928 г., ввоз машин в Китай составлял:

Годы	Млн фунтов стерлингов
1923	2,94
1924	1,91
1925	1,38

Очевидно, в эту сводку вошли не все те категории, которые вошли в американскую статистику, но тенденция ясна.

интересы промышленности метрополии, им принадлежит решающее слово. Это сказывается прежде всего в таможенной политике. Как известно, таможенная политика и таможенное управление Китая находятся в руках иностранных держав. Последние провели правило, что пошлины не должны превышать 5 или 7,5 процента нарицательной стоимости товара. При такой ставке молодая промышленность Китая лишь с трудом может конкурировать с большими промышленными государствами, несмотря на не знающую никакой узды эксплуатацию своих рабочих¹⁰. Другим отрицательным моментом для туземного промышленного капитала являются внутренние пошлины, так называемый ликин. Эти пошлины означают открытый ущерб туземному промышленному капиталу. Импортные товары могут с помощью так называемого «транзитного паспорта» перевозиться до самого края страны с уплатой только сбора в 2,5 процента от каждого платежа ликина, с туземных же товаров приходится на каждой внутренней таможенной линии уплачивать ликин, нередко 10—15 раз, так что эти внутренние пошлины составляют часто вдвое больше, чем первоначальная цена товара¹¹.

¹⁰ Нижеследующая таблица показывает среднее таможенное обложение в процентах стоимости товара:

	Текстильные товары	Железо и жел. товары	Машины и аппар.	Все группы
Бельгия	14,1	12,4	13,2	11,4
Дания	14,3	8,8	7Д	13,2
Германия	24,0	16,9	10,9	20,8
Франция	70,6	110,0	38,9	58,1
Италия	18,6	60,7	25,4	28,6
Югославия	29,9	41,1	22,8	34,8
Австрия	14,6	30,8	25,6	19,2
Польша	49,6	56,3	41,6	43,3
Румыния	294,3	39,6	22,9	98,4
Швеция	18,6	22,8	15,5	19,5
Швейцария	10,9	29,7	12,5	17,5
Чехословакия	28,6	53,3	46,2	36,4
Венгрия	29,8	49,2	33,0	31,1
Китай	—	—	—	5—7,5

(Записка, представленная Венской торговой палатой на конференцию по мировому хозяйству в Женеве и перепечатанная в «Виртшафтсдинст» от 9 сентября 1927 г.).

¹¹ «Уже между Пекином и Тсиентсином сборы составляют 12,5 процента, между Тсиентсином и Калганом, важным пунктом по торговле кожами, шкурами, шерстью и другими монгольскими продуктами, — 60 процентов. Они состояются из целого ряда различнейших сборов в пользу того или другого милитариста, имеющего в данный момент власть. Юридически каждый иностранный экспортер, конечно, может отказаться от уплаты этих сборов, если только он запаса предварительно в экспортной гавани свидетельством, что он закупает для экспорта» (Пекинский корреспондент «Франкфуртской Газеты» от 16/IX 1927 г.).

г) Китайская буржуазия, взятая в целом, крайне бедна. Имущество всех слоев китайской буржуазии состоит в первую голову не в «произведенных средствах производства», а в земле, т. е. только в праве (Rechtstitel) на земельную ренту, на эксплуатацию крестьян. Частные богатства — в этом сказалась старая культура китайцев—заканчиваются главным образом в художественных произведениях: драгоценных камнях, изваяниях, окрашенных ручным способом шелковых материях, предметах древности и пр. Все эти вещи не легко превратить в капитал. В Китае нет золотых приисков, поэтому, за исключением серебра, накопление сокровищ происходит здесь главным образом в виде собирания предметов искусства. Накопленный в течение тысячелетий прибавочный труд сохранился в виде плотин, каналов, китайской стены и бесчисленных храмов и монастырей. Существующий вообще в стране небольшой производительный капитал находится большей частью в руках иностранцев; во владении китайской буржуазии находится лишь минимальное количество¹².

Этой бедностью «национальной» промышленной буржуазии Китая обгоняется ее слабость. Бедность заставляет ее сотrudничать в самых

¹² Следующая таблица (из «Commerce Reports» от 28/XI 1927 г.) содержит интересное сопоставление богатства Соед. Штатов и бедности Китая:

	В тысячах счетных единиц	
	Соед. Штаты	Китай
Территория (кв. мили)	3744	4278
Население	110	400
Железные дороги (мили)	250	7
Автомобильные дороги (мили)	500	5 (предпол.)
Автомобили	22000	22
Телефоны	17000	100
Телеграф (мили)	1850	84
Мощность электростанций (киловатт)	14000	250
Мощность железодельных заводов (тонны)	45000	500
Хлопчатобумажные веретена	37000	3500
Ткацкие станки	650	26
Добыча угля (тонны)	585000	25000
— хлопок (кипы)	15000	2500
— пшеницы (бушели)	800000	300000 (предпол.)
— риса (бушели)	34000	800000 (предпол.)

Как мы видим, за исключением риса, главной пищи китайского населения, это последнее, хотя оно в три-четыре раза превосходит население Соед. Штатов, снабжено средствами производства в десять-сто раз меньше, чем Соед. Штаты.

различных формах с иностранной буржуазией, причем она, конечно, попадает в зависимость от последней. Если, несмотря на слабость национальной буржуазии, ей принадлежало руководство Гоминданом и антиимпериалистическим национальным освободительным движением, то объясняется это тем, что она представляет самую высокую экономическую стадию развития—промышленный капитал, кроме того, теснейшим образом связана с мелкой буржуазией и современной интеллигенцией, наконец, также тем, что из всех слоев господствующего класса только ее интересы находятся в непосредственном противоречии с иностранным капиталом¹³.

д) В решительный момент национальная промышленная буржуазия предала дело национальной революции и перешла в лагерь империалистов. Причиной этой измены являются не только бедность и слабость национальной буржуазии, не только ее финансовая зависимость от иностранного капитала¹⁴ — важнейшая причина лежит глубже.

Положение каждой колониальной или полуколониальной буржуазии носит двойственный характер. В качестве колониальной буржуазии она вместе со всеми трудящимися своей страны заинтересована в свержении чужого господства. Как буржуазия она вместе с империалистической буржуазией заинтересована в сохранении классового господства вообще. Она может стоять во главе национального антиимпериалистического движения только до тех пор, пока это движение носит буржуазный характер и не начинает переходить в социальное, антикапиталистическое движение. Но китайская национальная революция происходит в период упадочного капитализма, когда всюду на очереди стоит вопрос о свержении буржуазии; к тому же по вышеуказанным причинам в Китае невозможна совместная буржуазная и крестьянская революция, следовательно, широкие массы китайских крестьян и рабочих могут быть мобилизованы для дела национальной революции только с помощью лозунгов, выходящих за рамки буржуазной революции. По всем этим причинам национальная буржуазия не могла возглавлять национальную революцию, она должна была предать ее. С предательством буржуазии окончательно рухнула также ее партия, Гоминдан, как

¹³ Программа Гоминдана, принятая на конгрессе в Кантоне в октябре 1926 г., полностью приспособлена в своих экономических требованиях к интересам буржуазии. Вот ее главные пункты:

Покровительственные пошлины, автономные тарифы.

Правительственная поддержка промышленности: субсидии, налоговые льготы. Власти должны оказывать в своих заказах предпочтение китайским предприятиям.

Отмена привилегий иностранных предприятий.

Отмена ликина.

Единая налоговая система. Никаких произвольных обложений.

Единство валюты и мер.

Железнодорожное, шоссеное и портовое строительство, регулирование рек и т. д. («The China Yearbook», 1928 г., стр. 1345).

¹⁴ Одним из самых действительных средств борьбы английской буржуазии против национальной революции было прекращение кредитов, закрытие банков (так было в Ханькоу после нападения на английскую концессию, в Кантоне и т. д.).

центр национальной силы¹⁵. Гегемония в национальной борьбе против империализма перешла к китайскому пролетариату и его авангарду, китайской коммунистической партии.

Развитие капитализма и крушение китайской империи

В отличие от Европы, где капитализм действовал, как объединяющая сила, в Китае развитие капитализма повело к распаду империи и к прекращению какого-либо центрального правительства.

В настоящее время Китай распадается на территории владычества отдельных генералов, быстро меняющие свои пределы.

В чем заключаются причины этого явления?

Центральное китайское правительство, существовавшее до революции, выполняло на основе своей классовой политики некоторые общие функции:

- защиту от внешнего врага;
- содержание в сохранности водного хозяйства;
- регулирование снабжения предметами первой необходимости с помощью целой сети магазинов риса.

Что касается защиты от внешнего врага, то с тех пор, как китайское правительство пришло в соприкосновение с империалистическими державами, оно каждый раз терпело фиаско в этой своей функции. Вследствие абсолютно отсталой военной техники Китая, каждое столкновение с сравнительно совсем незначительными, но вооруженными по последнему слову войсками империалистов кончалось поражением китайского правительства. При таких обстоятельствах оно должно было утратить свой авторитет. При азиатском характере китайского государства, в котором очень большую роль играют религиозно окрашенные традиции, эти позорящие поражения должны были оказывать разрушительное действие на всю систему.

Мы уже говорили о расщеплении китайских господствующих классов в результате проникновения империализма. Разумеется, это расщепле-

¹⁵ Когда мы полгода назад услышали от китайских товарищей, что Гоминдан перестал существовать как революционная сила, мы вначале сомневались в этом: слишком уж невероятным казалось, что партия, которая еще несколько месяцев назад имела на своей стороне восторженные симпатии масс, потеряла всякое влияние. С тех пор этот факт подтвержден бесчисленными информацией из капиталистического лагеря.

Так, например, «Таймс» пишет 23/XI—27 г.: «Партия Гоминдан совсем распалась на фракции, возглавляемые честолюбивыми политиками и милитаристами».

25/XI специальный корреспондент «Таймс» из Чангса пишет: «Огонь гоминдановского движения выгорел, и не осталось энтузиазма для проведения программы социальных улучшений, даже если бы экономические условия не делали подобные планы невозможными».

«Bulletin Quotidien», всегда очень хорошо осведомленный о положении в Китае, пишет 2/XII: «В настоящий момент это является почти совершившимся фактом (fait accompli). Гоминдан существует уже только по имени или в лучшем случае распыленный на отдельные враждующие между собой группы... Каковы бы ни были теоретические причины распада Гоминдана, этот распад—явный факт. Партия всецело во власти кучки мелких милитаристов-вешателей, отличающихся от старых тучунов только своим большим невежеством, большим честолюбием и низкими аппетитами. Их солдаты сражаются только для того, чтобы прокормиться, а так как они никогда не получают жалованья, они грабят, чтобы прокормиться».

ние в сторону той или другой империалистической державы, накладывающей свою руку на Китай, должно было разлагающим образом действовать на государственную власть. В самом деле, ведь правительственный аппарат состоял из чиновников, вышедших из господствующих классов, главным образом из землевладельческого класса, и образующих с ними один класс.

Вследствие понесенных центральным правительством поражений и секвестрирования источников государственных доходов империалистами, это правительство не имело необходимых средств для регулирования в дальнейшем водного хозяйства, играющего кардинальную роль в китайском земледелии. Мы ниже еще вернемся к этому вопросу подробнее.

Проникновение империализма, строительство железных дорог, вовлечение Китая в мировое хозяйство,—все это открыло новые пути внешней торговле: традиционная система казенных магазинов риса не могла уже быть сохранена.

Побежденная и униженная империалистическими державами, не будучи в состоянии исполнять свои функции, имеющие жизненное значение для всего общества, центральная государственная власть должна была распаться, и власть перешла к милитаристам, сменяющимся быстрой чередой.

Власть этих милитаристов покоится на армиях наемников. Распространение капитализма, разложение крестьянского и ремесленного способа производства выбросили миллионы людей из производственного процесса. Из этих масс людей без всякого заработка образовались разбойничьи банды и армии наемников, причем между теми и другими лишь небольшая разница, и переход от одной формы к другой совершается с крайней легкостью. Во главе армий наемников оказались либо бывшие атаманы разбойничьих банд, как Чжан Цзолин и Чжан Цзунчан, либо бывшие генералы, как У Пейфу. Армии наемников, конечно, жили за счет областей, находящихся в их власти. Чем больше была такая область, тем больше были их доходы. Разумеется, в результате получалась непрерывная война между отдельными военными властителями за расширение зоны своего владычества и грабежа.

По внешности эта картина весьма напоминает режим кондотьеров на исходе средних веков в Европе. Но было бы совершенно ошибочным проводить между обоими этими явлениями знак равенства. Распад китайской империи и приход к власти отдельных милитаристов происходят под влиянием империализма. Это означает, что отдельные милитаристы могут воевать друг с другом, но не могут вступить в решительную борьбу с империализмом, должны более или менее приспособляться к желаниям последнего, по меньшей мере каждый из них должен иметь опору в той или другой империалистической державе. Взаимная борьба милитаристов отчасти отражает вызванное империализмом расщепление самих господствующих классов Китая. Иногда она является замаскированной борьбой между империалистическими державами.

В отличие от средневековых кондотьеров, китайские генералы в то же время являются крупными капиталистами. Они применяют самые

новейшие средства первоначального накопления: помимо простого ограбления крестьян с помощью очень высоких налогов, взыскиваемых за несколько лет вперед, они грабят население, выпуская бумажные деньги без покрытия, похищая серебряные запасы банков, закупаая на бумажные деньги сырье и продавая его за границу за золото, монополизируя важнейшие транспортные пути, монополизируя также торговлю отдельными важными товарами (шелк, контрабандный опиум и проч.) на своей территории, наконец, основывая капиталистические предприятия: рудники, фабрики и проч. Из бывших разбойничьих атаманов они, если власть их продолжается достаточно долго, эволюционируют в крупнейших капиталистов страны. Все известные китайские милитаристы нахватили состояния в десятки миллионов и отчасти поместили их в иностранных валютах в банках на территории так называемых концессий. Распад государства и образование местных военных властей происходит параллельно с глубоким разложением основ китайской экономики, причем возникают большие капиталистические имущества, нахвачанные способами первоначального накопления.

Интересы империалистических держав в этом пункте имеют противоречивый характер. С одной стороны, наличие сильного центрального правительства позволило бы им грабить и колонизировать Китай с меньшей опасностью для себя, чем это происходит ныне; для этого они могли бы пустить в ход свое военное превосходство. Но центральное правительство, сильное внутри страны и бессильное по отношению к чужим государствам, — вещь невозможная. Поэтому империалистические державы должны действовать в сторону развала китайского централизованного государства, сколько бы они ни уверяли в противном. Что это действительно так, показывают военные мероприятия, неоднократно принимаемые империалистическими державами, в особенности Японией и Англией, против проникновения национальной революции на север.

Развал Китая на многочисленные и меняющиеся в своих границах отдельные сатрапии необходимо ведет, однако, к катастрофическому ухудшению экономического положения всей страны; здесь надо иметь в виду особые условия китайского земледелия, жизненной потребностью которого является регулирование орошения, водное хозяйство.

Разложение крестьянства под влиянием капитализма

Сельское население Китая не образует единого крестьянского класса, сидящего на собственной земле, как утверждают буржуазные писатели, но искони делилось—хотя при всеобщей бедности—на крестьян-собственников, крестьян-арендаторов и трудящихся крестьян, работающих по найму; между ними—различнейшие переходные ступени. Крестьяне искони самым жестоким образом эксплуатируются землевладельцами, ростовщическим капиталом, государством, так что накопление имеет место у крестьян только в исключительных случаях, только у самых богатых, и воспроизводство происходит в общем всегда в одном и том же масштабе.

О классовом составе китайского крестьянства статистики не имеется, как, впрочем, и во всех других государствах¹⁶. Однако имеются различные отдельные исследования; приведем здесь для примера результаты одного такого исследования.

Западно-китайский университет произвел в 1926 году обследование 50 крестьянских дворов, а именно: в провинции Сечуан, в равнине Тсенту, одной из самых богатых территорий Китая, называемой «садом Китая». Равнина превосходно орошена: уже Рихтгофен описал ее оросительную систему, как чудо китайской культуры. Из 50 обследованных хозяйств 22 имели только собственный участок, 5 приарендовывали к нему чужую землю, 23 были чисто арендаторские хозяйства. Так как пять смешанных хозяйств — и без того слишком малая цифра для того, чтобы можно было делать выводы, мы не будем касаться этой группы. Отметим, что в этой работе не указывается, по каким принципам происходил выбор хозяйств, как объектов обследования; мы имеем основания предполагать, что в обеих группах были выбраны более или менее крепкие, лучшие хозяйства. Тем не менее и это обследование позволяет сделать достаточные выводы о сильном классовом расслоении китайского крестьянства.

22 собственника имели в среднем участки величиной в 73 му (16 му равны одному гектару). Напротив, на каждого из 23 арендаторов приходилось в среднем только 30 му.

Стоимость строений оценивается у собственников примерно в 1114 мексиканских долларов, у арендаторов — в 410. (В дальнейшем мы под долларами всегда разумеем мексиканские доллары.)

Нужда в земле поднимает цены на землю. В среднем цена, уплаченная (за землю) собственником, указывается почти в 10 000 долларов, т. е. свыше 2000 долларов, или около 4000 марок за гектар. Этому соответствует высота арендной платы. Она составляет в среднем 12 долларов за му, но колеблется между 8,9 и 14 долларами, что составляет приблизительно 10 процентов земельной цены. Расходы на средства производства минимальны: у собственников они составляют в среднем 14 долларов в год, у арендаторов — 8, включая сюда также расходы на починки. Положение безземельных крестьян, малоземельных и арендаторов иллюстрируется следующими данными: из всех обследованных хозяйств расходовали на наемный труд собственники в среднем 45,4 доллара в год, арендаторы — 18,3 доллара в год, доходы же от работы по найму составляли у арендаторов в среднем 5,4 доллара в год, у собственников — 2,7 доллара. Разумеется, эти средние цифры дают неправильную картину классового расслоения именно потому, что это — средние цифры:

¹⁶ Даже в настоящее время, когда в Китае убивают людей тысячами в самой ожесточенной классовой борьбе, нам все еще преподносят легенду о «бесклассовом» составе китайского общества. Так, например, американец Сокольский пишет в «China Yearbook», стр. 931: «В Китае нет классовой борьбы. Здесь нет классов. Здесь нет больших имуществ, за исключением возникших в недавнее время политических состояний... нет нищеты, за исключением класса попрошайек, для которого это составляет профессию» и т. д.

только одна пятая часть всех собственников вообще получает доход от работы по найму, тогда как у беднейших арендаторов трудовой доход, очевидно, играет большую роль. 50 процентов арендаторов зарабатывают более 10 долларов от продажи (своей) рабочей силы. Кроме того, арендаторы в значительной мере занимаются кустарничеством (домашняя индустрия): 79 процентов арендаторов имеют побочный доход от занятий кустарничеством, максимум его составляет 70 долларов в год, а в среднем он равняется 18 долларам в год, собственники же получают по этой статье в среднем только 6 долларов в год. Работа со средними цифрами должна затушевывать имущественные различия; так, например, один из обследованных дворов имел годовой доход в 840 долларов от сдачи земли в аренду.

Однако, даже из этих цифр более или менее ясно выявляется нищета арендаторов. Средний доход арендатора, включая произведенные им и потребленные им пищевые средства, составляет 770 долларов в год. Из них расходуется:

Расходы	Долларов
На арендную плату	348
–”– зараб. плату	18
–”– починки и орудия	15
–”– навоз	26
Итого	407

Итак, на всю семью остается годовой доход в 363 доллара. Так как на каждую семью арендатора приходится в среднем 8,3 душ (в том числе 2,7 взрослых мужчины), то душевой доход — ниже 50 долларов в год. При этом еще ничего не сосчитано на налоги и сборы.

Если принять во внимание, что здесь речь идет об одной из плодороднейших местностей Китая, и что мы имеем основания думать, что объектами обследования выбраны не беднейшие арендаторы, то эти цифры дают известный конкретный базис для утверждения, что в обще-китайском масштабе доход арендаторов должен быть еще значительно ниже этих цифр, не говоря уже о сельском пролетариате, не имеющем собственного хозяйства.

Проникновение капитализма усиливает классовое расслоение в деревне, ускоряет устранение еще существующих остатков натурального хозяйства, отнимает почву у кустарничества, расширяет внутренний капиталистический рынок.

«Крупная промышленность завершает разделение между земледелием и домашними сельскими промыслами: прядением и ткачеством, вырывая их корни» («Капитал», нем. изд. Т. I. С. 714).

Процесс разложения крестьянства капитализмом общеизвестен¹⁷. Нам нет надобности останавливаться на нем. Но необходимо указать на

¹⁷ Лучше всего он изложен у Ленина: «Развитие капитализма в России».

особенности этого процесса в китайской экономике. Важнейшими моментами мы считаем следующие.

Разложение крестьянства под влиянием капитализма происходит на фоне общего упадка китайского сельского хозяйства. Главные причины этого заключаются в следующем:

а) Упадок водного хозяйства. В Китае, как во всех государствах Передней и Средней Азии, упорядоченное водное хозяйство является жизненной необходимостью. Оно включает две задачи: во-первых, защиту от наводнений, регулирование рек. В Китае это в особенности важно, так как русла больших китайских рек лежат выше уровня окружающей их речной долины. Реки текут на возвышенности между дамбами, построенными тысячи лет назад и каждый раз возвышаемыми дальше. Прорыв насыпи означает окончательное превращение в болото местностей, которые кормят теперь миллионы людей. Во-вторых, оросительные сооружения: они образуют основу китайского земледелия, с его огородническим характером. Разрушение этих оросительных сооружений означало бы катастрофу для китайского сельского хозяйства.

Таким образом, проблема общественной организации водного хозяйства приобретает центральное значение для будущих судеб китайского сельского хозяйства, даже более того — для всего китайского народного хозяйства и культуры. Регулирование водного хозяйства было прежде задачей центральной государственной власти. В настоящее время такой власти не существует. Какая же общественная организация будет нести заботы о водном хозяйстве?

Ясно, что защита от наводнений может быть проведена только по единому плану для всего района данной реки. Если укреплять насыпи в ограниченном отрезе, а не вдоль всей реки, то вода прорвет дамбы в каком-либо ином месте выше или ниже по течению. Итак, если в долине данной реки распоряжаются несколько воюющих друг с другом генералов, причем владычество каждого из них кратковременно, и районы его меняются, то содержание в исправности насыпей по единому плану невозможно, вся система их подвергается упадку, и в результате должны последовать громадные наводнения, уничтожающие целые провинции. Впрочем, и небольшие прорывы могут причинить большой вред, уничтожая ирригационные сооружения, получающие воду из реки.

Оросительные сооружения образуют одну из основ интенсивного китайского земледелия¹⁸. Без них урожайность немедленно упала бы ниже половины нынешней. Сборы риса на орошаемых полях вдвое больше, чем на неорошаемых. Искусственное орошение делает возможным снимать в год несколько урожаев с одного и того же поля. Оросительные каналы на сочни тысяч километров прорезывают во всевозможных направлениях китайскую равнину, это — плод работы тысячелетий и свидетельство кардинального значения искусственного орошения для китайского земледелия. Монополия водного хозяйства имеет то же зна-

¹⁸ О значении ирригационных сооружений для культуры Северной Африки и Передней Азии можно найти много интересных замечаний у Маркса и Энгельса. В особенности в их переписке за 1853 г.

чение, что земельная монополия. Во многих случаях борьба за землю является в то же время в первую очередь борьбой за воду.

Что касается общественной организации орошения, то здесь имеется множество различных систем, смотря по величине района, который должен быть орошен из одного источника¹⁹. Существует индивидуальная система орошения из частных колодцев, существуют также капиталистические оросительные предприятия, так, например, пускают по реке моторные лодки, снабженные насосами, и продают воду, или же устраивают бассейны и взимают известный сбор за орошение по числу му. Однако существуют различные общественные традиционные формы. Так, например, если несколько деревень снабжаются водой совместно из одной небольшой реки, то это регулируется договорами между деревнями (в Санчи и т. д.). В общем каждая деревня имеет право брать воду по очереди несколько дней в неделю. Число дней определяется соразмерно величине населения и возделываемой площади. За тот промежуток времени, когда вода реки принадлежит данной деревне, каждый крестьянин из этой деревни имеет право пользоваться ею соответственно размерам своего участка. Время пользования водой измеряется по сгоранию жертвенных свечей, так как в Санчи часы неизвестны. Жертвенная свеча длиной в один фут горит 30 минут. Крестьянин, имеющий участок в 10 му, может пользоваться водой, пока не сгорят две жертвенные свечи, крестьянин с участком в 20 му имеет право жечь одну за другой четыре жертвенные свечи и за это время пользоваться водой. Договоры уже сотни лет назад фиксированы письменным образом. Когда возникает какой-либо спор между заинтересованными деревнями, старейшины их собираются в определенном храме и решают его третейским порядком.

Но содержание некоторых оросительных систем, как вышеупомянутой в районе Тсенту или же в районе нижнего течения Янцзы, требует государственного регулирования²⁰. Отсутствие последнего уже повело к весьма значительному развалу этих сооружений. Если гражданская война продолжится еще несколько лет, то неизбежны такие катастрофические голода, как нынешний в Шандуне, что грозит гибелью всей культуры в этой области.

Впрочем, религиозные традиции крестьянства содействуют дальнейшему содержанию оросительных систем. В вышецитированном обследовании мы читаем о положении в равнине Тсенту.

«Строители этой грандиозной оросительной системы почитаются, как боги. Им и регулированию водоснабжения посвящен особый ритуал, играющий важную роль в религиозных церемониях жителей этой

¹⁹ По этому вопросу мы следуем в главном еще не напечатанной работе тов. Мадьяра об аграрном вопросе в Китае.

²⁰ «Безусловная необходимость бережливого и экономного использования воды имела результатом вмешательство централизирующей государственной власти на Востоке, где уровень цивилизации был слишком низок, а территории слишком велики для того, чтобы возможны были индивидуальные объединения. Отсюда хозяйственная функция всех азиатских правительств: функция споспешествования общественным работам» (Маркс К. Британское господство в Индии. New York Daily Tribune. 25 июля 1853 г.)

равнины. Ежегодная чистка канав, подсыпка дамб (насыпей) и регулирование уровня почвы производятся с религиозным пылом и усердием, это — типичные работы, производимые, несмотря на войну и бандитизм. Это кажется чудом для каждого, кто видит хаос и разруху почти во всех других областях китайской жизни»²¹.

Однако на какой срок хватит этого традиционно-религиозного базиса без центрального правительства,— вот вопрос.

б) Вторым устоем китайского сельского хозяйства наряду с искусственным орошением является самым тщательным образом выработанная система удобрения²²: она делает возможным равновесие питательных веществ на почве Китая, несмотря на факт интенсивнейшего земледелия при небольшом количестве скота. Все вещества, образующие растения, отдаются назад почве, человеческие экскременты тщательнейшим образом собираются и вывозятся из городов; грязь, солома, древесные листья, все органические отбросы, зола, даже глиняные полы жилищ и т. д. и т. д. — все это перерабатывается в смесь и возвращается почве в виде удобрения. Только благодаря этому не известному в сельском хозяйстве Европы использованию всех отбросов Китай в состоянии был сохранить в течение тысячелетий плодородие своей почвы, не прибегая к искусственному удобрению²³. Правда, здесь были периодические голода, но как результат стихийных бедствий (засухи или наводнений), так как при отсутствии внутренних средств сообщения нельзя было бороться с местными неурожаями путем подвоза из других местностей. В Европе тоже периодически происходили голодовки, пока не была развита железнодорожная сеть.

Развитие капитализма грозит разрушить поддерживавшееся в течение тысячелетий равновесие питательных веществ в китайской почве. Бесперывные внутренние войны затрудняют вывоз на поля городского удобрения. Пожары уничтожают органические вещества. Увеличивается экспорт сельскохозяйственных продуктов, заключающиеся в них питательные вещества пропадают для туземной почвы.

в) Поборы и просто грабеж крестьян наемными войсками приняли такие размеры, что маломощные крестьяне уже не в состоянии содержать даже свой столь скромный запас средств производства: животных, семена, орудия²⁴. Все больше крестьян пролетаризуется, расслоение становится все резче, но на фоне упадка всего сельского хозяйства! Вместо традиционного простого воспроизводства наступает воспроизводство в уменьшающемся масштабе, всеобщее обеднение.

²¹ Chinese Economic Journal. Januar 1928 г. С. 49.

²² Это блестяще изложено в книге: King. Forthly centuries of farming. 2-е изд. 1926 г.

²³ При этом большую роль играет то обстоятельство, что из всех злаков рис отнимает у почвы меньше всего питательных веществ.

²⁴ «Рента продуктами может достигать такого размера, что является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и низводит непосредственного производителя к физическому минимуму средств существования. Так бывает в особенности в том случае, когда эту форму находит готовой и начинает использовать торговая нация—завоеватель, как, например, англичане в Индии» (Капитал. Т. III. Ч. 2. С. 271).

Таковы, на наш взгляд, те особые моменты, благодаря которым распространение капитализма принимает роковой характер для китайского крестьянства. Колоссальный голод в Шандуне — не просто стихийная катастрофа, как обыкновенные китайские голодовки, а в значительной мере — результат беспощадного ограбления крестьян самым бесцеремонным разбойником из всех китайских милитаристов — Чжан Цзунчаном. Вот что пишет об этом корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» в номере от 4/III 1928 г.:

«Две трети провинции Шандун официально объявлены голодающими. Из 107 округов 70 нуждаются в помощи со стороны, в противном случае часть их населения, составляющего 24 миллиона, должна умереть с голода. Уже теперь 9 миллионов в Шандуне питаются впроголодь не годными для потребления продуктами, 4 миллиона живут тем, что просят милостыню, или кормятся тем, что получают от благотворительных учреждений.

«...Хотя урожай в некоторых районах был ниже нормы, китайцы, работающие по борьбе с голодом, утверждают, что в Шандуне в последнем году урожай был достаточен для прокормления его населения в течение зимы и весны; но они находят, что голод нынешнего года подготовлялся уже семь лет, когда правительство было из рук вон плохо и все время еще ухудшалось. Если бы не грабительские налоги, не бандитизм и военные конфискации, то Шандун не имел бы в этом году голода. Ответственность за нынешнее положение и за эти грабительские приемы падает на генерала Чжан Цзунчана, военного губернатора Шандуна.

«...Как среди иностранцев, так и у китайцев, Чжан Цзунчан пользуется репутацией самого худшего, самого жадного из всех военных властелинов Китая... Чжан Цзунчан грабит народ, а помощники Чжана в этом деле грабят его самого... Когда Чжан решает, что ему нужны три миллиона долларов, он созывает своих советников, и они сочиняют новый налог, но при этом определяют цифру его столь высоко, что получают 12 миллионов. Чжан получает свои три миллиона, а остальное попадает в карманы его приверженцев и к синдикатам, “откупающим” право обложения с тем, чтобы потом сторицей взыскать с населения свои расходы.

«...Персональные расходы Чжан Цзунчана составляют 5000 долларов в день. Среднее содержание солдата обходится в 10 долларов в месяц. Говорят, что гарем Чжана обходится в один месяц в такую цену, сколько стоило бы содержание бригады в 6000 бойцов.

«...С одной стороны, расходы на двор сатрапа в 5000 долл. в день, с другой стороны, в резком противоречии с этим — девять округов на северо-востоке от Ихов-Фу, где чиновники помощи голодающим не нашли ни одного живого существа, за исключением полуиздохшей собаки.

«...В результате голода быстро воскресла работоторговля. Некоторые семьи, дошедшие до последней стадии нищеты, продают своих младших сыновей, чтобы знать, что последние хоть таким образом найдут себе пропитание. Иных продавали за пять медных монет.

«Еще ужаснее торговля девушками для белого невольничьего рынка; их продают даже в возрасте 12 лет. В Тсинан-Фу за молодую девушку получают до 50 долларов, и многие хищники богатеют на этом, они отправляются в голодающие районы, скупают там девушек по 5 долларов

и затем продают их здесь для целей проституции». Корреспондент ясно видит связь между ограблением крестьян и голодом.

«Население западного Шандуна чрезвычайно бедно. Даже в “хорошие годы” избыток урожая ничтожен... Эти бедные районы неоднократно подвергались нашествиям сборщиков податей. Земельный налог был увеличен в два и три раза. А после этого налог взыскивался за один, два и три года вперед.

«Когда крестьяне не в состоянии были платить, сборщики податей забирали у них их хлеб, лошадей и скот, даже более того, они разрушали их дома и уносили с собой крыши и стропила, чтобы продать их на топливо. Десятки тысяч людей были буквально согнаны из их унаследованных от предков жилищ и участков. Во всех этих округах нельзя теперь найти ни одного живого существа, а земля, которая прежде стоила 750 долларов акр, теперь предлагается по 25 долларов... Судьба Шандуна не исключение. В южном Чихли голодают три миллиона. На севере провинции Ганану живут впроголодь многие миллионы. Число голодающих в Шандуне и Чихли составляет в этом году 12 миллионов. В ближайшем году оно составит в этих и некоторых других провинциях 30—50 миллионов. И если будут продолжаться война, грабеж населения и правительственный хаос, то в два года число голодающих возрастет еще вдвое или и того больше».

Разложение капитализмом городского ремесла

Как и всюду, распространение капитализма разлагало не только крестьянское кустарничество, но также городское ремесло. Особенностью Китая, как и Индии, в этом отношении является то, что разрушение городского ремесла происходило не на почве туземной крупной промышленности, поэтому оставшиеся без работы и хлеба ремесленники не могли найти работы в крупной промышленности. Если бы в Китае проводились, как в Индии, периодические переписи населения, то мы и здесь могли бы констатировать, что число занятых в промышленности убывает с каждым десятилетием. Но в Индии ремесленники, вытесненные из города, кое-как могут найти пристанище в сельском хозяйстве (время, когда сотни тысяч индийских ткачей погибли голодной смертью в результате конкуренции английских фабричных тканей,— это время было несколько десятков лет назад), китайское же сельское хозяйство по вышеизложенным причинам не в состоянии воспринять оставшихся без работы ремесленников. Параллельно с вытесняемыми из производства и совершенно разоренными крестьянскими массами выбрасывается из ремесла громадная масса ремесленников, так что ежегодно сотни тысяч— быть может, даже миллионы—людей, лишенных всякой возможности существования, пополняют ряды бандитов, нищих и солдат или ищут себе возможности нового существования в Манчжурии и Монголии. Происходящее теперь переселение народов из Северного Китая в Манчжурию и Монголию намного превосходит по своим размерам классическое переселение народов и является одним из крупнейших переселений народов, которое вообще знает история человечества.

Крушение ремесла связано с частичным переходом от ремесленного производства к мануфактуре и к капиталистической системе хозяйчиков-раздатчиков с ее совершенно неслыханной эксплуатацией ремесленников. Приведем лишь один конкретный пример.

Д. К. Лье дает следующее описание трикотажной промышленности в Тшекианге («The China Press» от 27/VII 1927):

«В начале 1926 г. здесь работали десятки тысяч вязальных машин. Первоначально промышленность была сконцентрирована в больших мануфактурах. Но когда спрос очень увеличился и на фабриках не было более места для новых рабочих, машины стали раздавать рабочим на дом.

Фабрики доставляют рабочему на дом также сырой материал: пряжу. Одна машина стоит 20 долларов. Рабочий должен платить ежемесячно 2 доллара за прокат машины, для фабрики это весьма выгодная сделка, и владелец 1000 машин может иметь доход в 2000 долларов в месяц только от сдачи их напрокат. Что касается рабочих, то им тоже приятно такое положение. Они могут, зарабатывая себе на хлеб, в то же время следить за своим домашним хозяйством, их ежемесячный заработок, за вычетом платы за машины, вероятно, составляет около 5 долларов—это приличная (соответственная) плата для женщины, работающей на дому, в особенности если принять во внимание, что изучение этой работы не требует никакого времени». Как мы видим, капиталист, ссужающий машины, берет в свою пользу 2 доллара из ежемесячного заработка рабочего в 7 долларов, так что в десять месяцев машина его вполне окупается. Такой эксплуатации не было даже в самые мрачные первоначальные времена европейского капитализма. Подобное же положение мы находим в других отраслях промышленности, в которых воцарились капиталистические раздатчики.

Положение рабочего класса

К положению рабочего класса и вообще к положению всех трудящихся в Китае подходит та характеристика, которую Маркс дает Германии шестидесятых годов:

«... Мы, как и другие страны западноевропейского континента, страдаем не только от развития капиталистического производства, но также и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, возникающих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и соответствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых» (Предисловие к первому изданию «Капитала». С. XXXII русск. изд.).

В Китае самые тяжелые отрицательные стороны докапиталистического режима фактически совпадают со страданиями, причиняемыми капитализмом. Ужасные условия труда китайского пролетариата: рабочий день, продолжающийся до 14 часов, отсутствие дня отдыха за неделю, низкая заработная плата, при которой нет возможности возмещать израсходованную рабочую силу,—все это общеизвестно. Нет надобности приводить новые данные. В период подъема национальной революции наступило

некоторое незначительное улучшение²⁵ положения вследствие боевых выступлений рабочих на экономической почве, но в результате консолидирования контрреволюционных сил это улучшение, по всей видимости, сошло с тех пор снова на нет. Благодаря освобождению в сельском хозяйстве и ремесле миллионов рабочих рук, предложение труда в фабричной промышленности столь интенсивно, что капиталисты имеют возможность, как в свое время хлопчатобумажные фабриканты в Англии, эксплуатировать каждый год новое поколение женщин-работниц и детей, при чем так интенсивно эксплуатировать их рабочую силу, что они на ряд лет и даже на всю жизнь утрачивают свою трудоспособность. Но на смену этих использованных до конца рабочих сил всегда имеются в изобилии новые, и борьба за существование, борьба с голодом заставляет несчастного рабочего выжимать из себя последний остаток своей рабочей силы.

Отсюда суждение американского торгового атташе И. Арнольда (China Handbook. С. 269):

«Китайские рабочие, если принять во внимание стоимость их, работают производительно (efficient)... Несмотря на низкую цену труда, иностранцы, имеющие в этом значительный опыт, в восторге относительно способностей китайского рабочего, если он поставлен под надлежащее руководство».

Ясно, что, пока продолжается разложение китайского крестьянства и китайского ремесла, пока ежегодно из производственного процесса выбрасываются сотни тысяч и миллионы рабочих рук, нет никаких видов улучшить сколько-нибудь положение китайского пролетариата реформистским путем.

Для взглядов империалистов характерны следующие слова вышеступившего американца, представителя империалистической державы, которая всегда выдает себя за друга китайского народа:

«В Китае не существует еще никакого трудового законодательства. Еще слишком рано принимать в Китае действительные меры в защиту детского труда. Во многих отношениях дети, по-видимому, устроены на фабриках лучше, чем у себя дома».

Ясно, что улучшение положения китайского пролетариата возможно только революционным путем.

Валютный хаос в Китае

Одним из важнейших средств ограбления трудящихся Китая является обесценение всех китайских валют. Своеобразие положения заключается в том, что каждый класс имеет, так сказать, свою валюту.

Валютой пролетариата являются медные деньги. Примерно 20 лет частные и провинциальные монетные дворы пускают в обращение большие массы медных денег с небольшим содержанием меди; благодаря этому покупательная способность медных денег все время падает,

²⁵ Очевидно, к этому периоду относятся жалобы японского империалиста профессора Нишиама, цитируемые в «Bulletin Quotidien» от 22 ноября 1927 г.: «Мы все знали Китай, знаменитый своими низкими ценами, своей умеренной заработной платой, своими сносными налогами и неисчерпаемыми ресурсами. И что ж, все это теперь не существует более или недействительно — и исключительно вследствие плохого правительства националистов».

что при переполнении рабочего рынка избыточными рабочими силами означает постоянное уменьшение заработной платы.

Валютой городской и сельской мелкой буржуазии являются серебряные деньги. Но цена серебра на мировом рынке постоянно падает, и чем сильнее Китай втягивается в мировое хозяйство, тем сильнее это падение цены серебра влияет на оценку серебряных денег в самом Китае. (Кроме того, происходит также в большом размере подделка серебряных монет.) На этой почве происходит эксплуатация мелкобуржуазных слоев капиталистическими, ведущими свои дела в иностранной валюте и устанавливающими цены в этой валюте. Вес серебряной монеты и содержание благородного металла в монете различны в каждой провинции, это дает банкирам-ростовщикам возможность больших барышей и обманывания публики.

Капиталисты, китайские и иностранные, ведут свои дела на основе цены серебра на мировом рынке, т. е. они калькулируют фактически в золоте, продают за границу за твердую валюту и обогащаются таким образом — по известному образцу инфляционного хозяйства — за счет тех народных слоев, которые продолжают считать в обесценивающейся валюте.

Наконец, милитаристы грабят народ, выпуская ничего не стоящие бумажные деньги с принудительным курсом. При каждой перемене властителя обращавшиеся прежде бумажные деньги объявляются недействительными, серебряный запас эмиссионного банка — если такой запас еще имеется — похищается, и купцам и ремесленникам навязывают новые бумажные деньги. Солдаты, покупая в лавке какую-нибудь мелочь, предъявляют большую купюру и с оружием в руках заставляют выдавать им сдачу в серебре. Тогда торговец предлагает солдату взять выбранный им товар даром, солдат, конечно, не соглашается на это. Поэтому теперь у купцов и ремесленников вошло в обычай при каждой перемене власти закрывать свои лавки и прятать свои товары.

Впрочем, и в тех областях, где власть того или другого милитариста относительно стабильна, например, владычество Чжан Цзолина в Манчжурии и Северном Китае, продолжается дальнейшее обесценивание бумажных денег.

Как мы видим, в Китае господствует полнейший валютный хаос. Он служит средством еще больше сокращать и без того минимальный заработок трудящихся в пользу сильных мира сего.

Объективно-революционное положение и перспективы дальнейшего развития

В результате нашего анализа мы можем установить упадок основ китайского хозяйства, глубочайший кризис китайского общественного строя. Проникновение капитализма разрушило традиционный общественный строй, который — если не считать стихийных катастроф — во всяком случае обеспечивал существование общества на основе простого воспроизводства. Экономическим базисом этого строя служило крестьянское земледелие, тесно связанное с деревенской промышленностью; это земледелие строилось на водном хозяйстве и равновесии

питательных веществ в почве. Этот базис в настоящее время разрушается. Водное хозяйство неглижируется, почва не получает уже полностью обратно взятых у нее питательных веществ. Распространение фабричного товара лишает крестьян их побочных кустарных приработков. Арендная плата, ростовщичество, инфляция тяжелым бременем ложатся на крестьянина, не знающего никакой узды налоги окончательно разоряют его, и в результате происходит массовое превращение крестьянства в безземельных и бездомных пролетариев. Миллионы заполняют рабочий рынок, становятся бродягами, разбойниками, солдатами-наемниками, миллионы погибают голодной смертью, десятки миллионов поднимают восстание. Точно так же восстает широкая масса городских ремесленников, выброшенная из производственного процесса.

Миллионы экспроприированных крестьян и ремесленников ищут работы и пополняют ряды и без того избыточного пролетариата, создают постоянную армию безработных, все время находящуюся на грани голодной смерти; таким образом они толкают весь рабочий класс в страшнейшую нищету.

Каковы возможности разрешения этого глубочайшего кризиса китайского общества? В абстрактно-теоретическом смысле имеются пять возможностей.

1. Реакционное, антиимпериалистическое решение: возврат к докапиталистическому общественному строю. Таков был смысл революции тайпингов. Это решение в действительности невозможно; нам не приходится на нем останавливаться.

2. Национально-буржуазное решение, диктатура национальной буржуазии, побеждающей и укрепляющейся в борьбе с империалистами. Образец: Япония, Турция. Подобное решение было бы возможно только при совместной борьбе крестьян и национальной буржуазии против землевладельцев, милитаристов и империалистов. Но национальная буржуазия Китая бедна и слаба. Она сама поместила часть своего имущества в землю, сплетается с землевладельческим классом, заинтересована в сохранении высокой арендной платы за землю, участвует в ростовщическом обирании крестьянского класса. С другой стороны, она подчинена иностранному капиталу и в то же время расколота сообразно особым интересам отдельных империалистических буржуазий, подчиняющих себе Китай. Наконец, она сама должна искать у милитаристов и империалистов защиты против восстания промышленного пролетариата и против его требований. Поэтому она должна была предать дело национальной антимилитаристической революции. Это исключало возможность второго решения.

3. Превращение Китая из полуколонии в колонию; аналогия — Индия. Мы считаем эту возможность не вполне исключенной, хотя и весьма мало вероятной. Не исключено, что китайский народ, устав от бесконечной усобицы милитаристов и от классовой борьбы, если она, что возможно, будет долгое время вестись с переменным успехом и без решающего исхода, — не исключено, что в таком случае китайский народ в конце концов подчинится иностранному завоевателю, который водворит порядок подобно тому, как это было в Индии. Для империалистиче-

ских держав импульс к оккупации Китая растет по мере того, как уменьшается емкость китайского рынка для зарубежных товаров²⁶.

Впрочем, не следует забывать, что на превращение Индии в колонию понадобилось более двух столетий, что оно произошло в период подъема капитализма и проведено было Англией, которой в то время принадлежала бесспорная мировая гегемония. Напротив, в настоящее время китайский кризис зашел уже слишком далеко, чтобы оставалось время для постепенной оккупации страны; кроме того, за обладание Китаем борются четыре империалистические державы: Англия, Япония, Соед. Штаты и Франция; попытка одной державы полностью или частично оккупировать Китай легко может повести к новой мировой войне, а для соглашения относительно совместной оккупации и раздела Китая нет никаких шансов именно вследствие сильных противоречий между империалистическими державами; наконец, линия развития в Азии направлена в сторону освобождения колоний, а не в сторону распространения империалистического господства над колониями.

4. Совместная гибель борющихся классов и уничтожение всей материальной и духовной культуры Китая вследствие разрушения ее материального базиса, водного хозяйства. Аналогию представляет гибель многочисленных великих культур в истории Азии. Этот исход возможен, но невероятен. Против него говорит большое число китайцев, живущих вне пределов собственно Китая (в Манчжурии, Монголии, Южной Азии), а также большая сила революционного движения в самом Китае.

5. Победоносная буржуазно-демократическая революция трудящихся, рабочих, крестьян, ремесленников²⁷. Это—единственное действительное разрешение кризиса. В этом направлении идет линия общего развития в Азии. Его поддерживает уже совершившееся свержение капиталистического господства в России, являющееся началом конца капитализма вообще. Китайские коммунисты должны работать в этом направлении; их поддержат в этом пролетарии всех стран. Эта революция уже происходит. Она может временно терпеть поражения. Окончательная победа ее несомненна, если мы не сделаем слишком больших ошибок. ◆

²⁶ Приводим цифры внешней торговли Китая (в млн единиц) по «Chinese Economic Journal» 1928 г., р. 99.

	1918 г.	1920 г.	1922 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Ввоз в таелях	555	762	945	1018	948	1124
—“— амер. долларах	699	944	784	825	796	854
—”— то же, но с приравнением покупательной силы доллара 1918 г. к 100	699	868	1305	1361	1345	1665

В 1927 г. наступило очень сильное уменьшение внешней торговли Китая. Цифры еще не опубликованы, но известно, что таможенные поступления упали с 78 млн таелей (1926 г.) до 69 (1927 г.). Еще больше уменьшение в фунтах (таель обесценивается): с 12,2 до 9,7 млн ф. ст., т. е. на 20%. При этом надо принять во внимание, что ввоз в собственно Китай сильно понизился, но это уравновешивается повышенной емкостью Манчжурского рынка. Так, например, таможенные поступления в северных портах: Харбине, Дайрене, Тянь-Тзине увеличились на 1,7 млн таелей, напротив, в Шанхае они понизились на 7 млн, в Ханькоу — на 2,3 млн, в Кантоне — на 1,5 млн таелей.

Последние сведения о сбыте иностранных товаров в Китае в 1928 г. довольно благоприятны. Однако при этом следует принять во внимание, что вследствие гражданской войны большие территории долгое время были отрезаны от импортных портов, так что накопился единовременный настоятельный спрос, потребность в этих товарах.

²⁷ При данном состоянии развития классов в Китае речь может идти пока только о совместном господстве рабочих и крестьян, а не о диктатуре пролетариата.